

Сыянь и без того была ниже него на голову, а теперь Цзя И еще и полуприжался, полуоблокотился на нее. Заметив ее брови, подобные далеким холмам, он почувствовал, как в нем всколыхнулось вожделение.

— Сыянь, скажи-ка... мы ведь не... ну, это самое? — Цзя И изначально не хотел заводить разговор о той книге, поэтому сглотнул слюну и попытался сменить тему.

Услышав его вопрос, Сыянь повернулась к нему, с недоумением во взоре произнесла:

— Это какое еще «самое»? Ой! Муж, должно быть, проголодался? Я сейчас же пойду приготовлю тебе чего-нибудь поесть.

Увидев ясный взгляд Сыянь и ее невинное выражение лица, Цзя И даже покраснел от стыда и поспешно перевел разговор, попросив ее помочь ему дойти до комнаты и лечь в постель.

Сыянь быстро со всемправилась, и как только Цзя И переоделся, она уже подала приготовленную еду. Они сели друг напротив друга на циновки. Трапеза оказалась простой: всего лишь несколько лепешек, котелок пшенной каши да тарелочка домашних солений. И больше ничего.

То ли живот действительно подвело, но Цзя И уплетал за обе щеки. Хоть ему и приходилось питаться этим каждый день, он никогда не находил еду пресной — напротив, все казалось необыкновенно вкусным и аппетитным. В детстве мама готовила ему точно такую же пищу, и по сравнению с изысканными деликатесами, что он ел прежде, в этом чувствовался особенный, родной мамин вкус.

Сыянь ела и с живым интересом наблюдала за ним.

Цзя И про себя подумал, до чего же тяжела здесь жизнь, и трудно было представить, как эта тридцати- или четырнадцатилетняя девочка справлялась со всем последние три года.

— Муж, через пару дней ты меня уже не увидишь, погоди, я потом подскажу, где мука с крупой лежат. — После того как Цзя И проявил настойчивость в предыдущие дни, Сыянь наконец перестала называть себя презрительной рабыней и перешла на обычное «я».

— Почему? — неожиданно услышав, что Сыянь собирается уходить, Цзя И так и замер на месте. — неужто ты собралась возвращаться к хунну?

Услышав его вопрос, Сыянь испуганно переменялась в лице и поспешно объяснила:

— Конечно нет! Видишь ли, покойный батюшка оставил нам чуть больше сотни му тощих полей, и если усердно трудиться, на жизнь бы хватило. Но в этот раз муж пролежал в болезни столько дней, и одной только платы за лекарей и лекарства моих сбережений не хватило.

Пришлось поневоле продать те надежды, иначе денег бы не собрали. Муж тогда еще был без сознания, так что я осмелилась принять это решение сама. Умоляю, муж, только не выгоняй меня обратно к хунну!

Видя, до какого страха он ее довел, Цзя И поспешно шагнул вперед, заключил в объятия и мягко утешил:

— Нажитое богатство снова вернется, я ведь вовсе не сержусь. Подумать только, испугалась до полусмерти — неужто я и впрямь так плохо к тебе относился раньше? — осторожно поинтересовался Цзя И. Девушка была до того послушной и кроткой, что в его прежнем мире такие уже давно перевелись.

Сыянь подняла на него взгляд и, убедившись, что Цзя И действительно не гневается, мягко промолвила:

— Муж взял меня в жены не прошло и месяца, как ушел с батюшкой в Хэнань. В те дни муж только и делал, что упражнялся в боевых искусствах, и словом со мной не обмолвливался. Совсем не так, как теперь.

Тут ее щеки порозовели, и она снова уткнулась лицом ему в грудь.

Цзя И легко похлопал ее по плечу, успокаивая прильнувшего к нему крольчонка, и только тут вспомнил о ее недавних словах про уход:

— Сыянь! Почему ты говорила, что в эти дни мы не сможем увидеться?

Сыянь наконец пришла в себя и с самым серьезным видом произвела:

— И впрямь ты, муж, хозяином в доме не бываешь, не ведаешь, как дорого обходятся дрова и рис! Раньше у нас было несколько полей, ими и жили, а теперь, если не найти хоть какую-то работу, завтра нам и впрямь есть будет нечего.

От таких слов Цзя И почувствовал себя неловко. Мужчина в доме — добытчик, и содержать семью его прямая обязанность. Расправив плечи, он гордо заявил:

— Не беспокойся! О деньгах я сам позабочусь.

Заметив его решительный вид, Сыянь в душе обрадовалась, но все же засомневалась:

— Я ведь нанимаюсь на работу всего дня на три-пять? — она подняла на него глаза и мягко пояснила: — Муж! Со времени твоей последней травмы силы так до конца и не вернулись. Хотя тебе и стало лучше, перетруждаться нельзя. К тому же вся эта работа — женское рукоделие,

мужчине она ни к чему. Муж — мужской гордости полн, один стоишь десятерых меня, когда поправишься, выкупить отцовские земли не составит никакого труда. Но если ты сейчас себя не бережешь и снова станешь изнурять тело, случись что дурное — неужто хочешь оставить меня, бедную сиротку, без опоры на старости лет?

Глядя на ее затуманенные слезами глаза, Цзя И понял, что она говорит так, лишь бы сберечь его мужское достоинство. В груди сладко защемило, и он прижал ее еще крепче к себе. Имея такую жену, чего еще желать? А тот самый Лю Бан уже давно вылетел у него из головы.

Убедив Цзя И, Сыянь выбралась из его объятий, достала из комнаты сверток с одеждой и сказала:

— Вот, я сшила для тебя пока ты был без сознания. Встань, примерь, придется ли по росту.

Она помогла мужу переодеться, а затем рассказала, что в двадцати ли от их деревни располагается Сяи. Живет там одна Цаньнян, у которой в хозяйстве не меньше трех-четырех сотен му тутовых рощ, а на прядении и ткачестве занято человек тридцать-сорок. Сейчас как раз потребовались мастерицы вышивки, а Сыянь в юности обучалась этому делу, вот и решила попытать счастья. Поскольку Сяи находится далеко от деревни, она и предупредила, что вернется лишь через три-пять дней.

Видя ее настойчивость и рассудив, что вышивание не такая уж тяжелая работа, Цзя И скрепя сердце согласился. Однако настоял, что сам проводит ее до Сяи, иначе он бы не успокоился. Зная, что он печется о ней, Сыянь согласно кивнула.

На следующее утро чуть свет Цзя И облачился в новое платье. Хоть ткань и была грубым холстом, сидело оно ладно, по росту. К тому же за ночь усердных занятий ци его раны зажили на семь-восемь десятых, и сам он выглядел посвежевшим и полным сил. Даже Сыянь не удержалась и бросила на него лишний взгляд. Умывшись и приведя себя в порядок, они поспешно пустились в путь.

Цзя И закинул на плечо узелок со сменной одеждой жены, а на поясе закрепил длинный черный нож — по слухам, доставшийся в наследство от отца и бывший единственной ценной вещью в их доме. Позавтракав, они вместе с Сыянь направились в сторону Сяи.

Дорога в двадцать ли не казалась слишком дальней, но чтобы успеть к утреннему рынку, они вышли из дома еще до рассвета.

Глядя на идущую рядом прелестную девушку, Цзя И ощутил к ней небывалое, глубокое чувство. Ему хотелось вот так вечно идти рядом, не останавливаясь ни на мгновение. Прошагав всего несколько ли, он заметил на лбу у Сыянь капельки пота, подхватил ее на руки и, оттолкнувшись ногами, взмыл на три-четыре чи в воздух, устремляясь вперед. Для человека, прошедшего спецподготовку, нести ношу весом в сотню с лишним цзиней и прежде не составляло труда, но сейчас это казалось удивительно легким, почти невесомым занятием.

Сыянь испуганно вскрикнула от неожиданности, однако, вспомнив, как он искусно владел мечом и в былые дни легко взлетал на верхушки деревьев в пять-шесть чжанов высотой, успокоилась.

Цзя И и сам впервые опробовал легкую поступь на практике — это казалось жутко забавным, но вскоре наскучило, и он спросил прижавшуюся к нему Сыянь:

— Сыянь, я ведь совсем ничего не помню из прошлого. Расскажи мне? Во-первых, как ты оказалась замужем за мной? И кто еще остался из твоей родни?

Хотя минутный прыжок напугал девушку до визга, сейчас, пока Цзя И стремительно несясь вперед, а навстречу им легким весенним ветерком летели проносящиеся пейзажи, она сполна наслаждалась этой минутой нежности. Услышав вопрос, Сыянь ответила:

— Я родом из самых северных степей, путь оттуда занимает больше луны. Моя матушка была простой пастушкой из небольшого племени, но приглянулась вождю за красоту, и ее взяли в наложницы. Позже то племя было уничтожено, и матушка перешла к другому вождю. Помню, до тринадцати лет у меня сменилось больше десятка отцов, пара сотен мачех и полтораста братьев с сестрами. Многих из них я даже в глаза не видела — все со слов соплеменников. А когда мне исполнилось тринадцать, нашелся человек, предложивший за меня последнему отцу пятьдесят быков — по нашим меркам вполне достойный выкуп, — и батюшка велел мне выйти за него замуж. Но матушка шепнула, что жениху уже перевалило за шестьдесят, и, не желая отдавать меня за бесценок, тайком свела с работником. Так я и попала к мужу.

Цзя И сбавил шаг и прижал ее голову к своей груди. Он никак не ожидал, что у этой хрупкой на вид девушки за плечами такая судьба.

Наклонившись, он тихо спросил:

— Ты не жалеешь?

Услышав это, Сыянь крепко обвила руками его шею и, прильнув к самому уху, прошептала:

— Мое величайшее счастье в жизни — быть проданной тебе, муж.

Цзя И опешил:

— Почему?

— Хоть муж прежде и не обращал на меня внимания, но относился ко мне лучше всех. Все самое вкусное всегда оставлял для меня. Я-то знала, что мужу нужно копить силы для тренировок и нельзя растрачивать семя, оттого он и держался отстраненно. А теперь муж вернулся, и он такой же заботливый, как раньше. Не то что в иных семьях, где чуть что — бьют,

бранят или вовсе с рук на руки сбывают.

От таких слов Цзя И даже стало немного стыдно. Мысленно он поблагодарил своего предшественника за то, что тот заложил столь прочный фундамент в сердце этой красавицы.

К тому времени, как они вышли на большой тракта, восток уже окрасился в цвета жемчужно-серого рассвета.

<http://bllate.org/book/21107/2142389>